

A. I. SKLAR. SEMANTICS OF TELEVISION TEXT: PROBLEM OF FILLING AND READING

The article is devoted to the stylistic qualities of television text subordinated to thematic and general stylistic dominant of televisional product, the problem of which lies in its fullness and reading by viewers.

Key words: television, text, the semantic interpretations, the author's text, network discussions.

С. С. ПЕРОВ

**СОЦИАЛЬНЫЕ ДЕВИАЦИИ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ РАБОЧИХ
КРАСНОДАРА (1930-Е ГОДЫ)**

В статье рассматривается вопрос отступления от социальных норм в условиях формирования нового советского общества в Краснодаре 1930-х годов. Исследованы как дореволюционные социальные девиации, так и те из них, которые стали восприниматься таковыми уже в советский период, а также отношение к ним властей на материалах документов из ЦДНИКК.

Ключевые слова: повседневность, рабочие, сталинизм, индустрия, девиация.

История советского общества 1930-х годов особенно нуждается в определении внутреннего смысла многих явлений этого периода. Часто при его изучении исследователи опираются на конструкты второго порядка, а не на субъективные явления жизни. Изучение жизненного мира населения СССР в 1920-е и 1930-е годы представляет собой важное поле для исследований и вызывает большой научный интерес у ученых всего мира [1]. Сам термин «повседневность» довольно неоднозначен, и в рамках данной статьи под ним подразумевается процесс жизнедеятельности индивидов, развертывающийся в привычных общеизвестных ситуациях на базе самоочевидных ожиданий. Изучение повседневности сталинского периода позволяет изучить складывание сталинизма как политико-экономической системы, и в то же время разобраться в самых мелких деталях и подробностях истории этого времени.

В России после революции процесс ломки старых норм был особенно болезненным. Утопические проекты большевиков и архаическая реальность их политико-экономической системы поражали наблюдателей то своим видимым разрывом, то единством. Тридцатые годы прошлого века были временем гигантских противоречий в жизни советского общества. Пропаганда аскетизма сталкивалась с идеалами советской зажиточной жизни, эгалитаризм с мощнейшей социальной дифференциацией между разными группами. Всеобщее огосударствление, отсутствие системности и единства во внутренней политике, ведомственная неразбериха, а также репрессии порождали весьма странную общественную атмосферу. Юг РСФСР вообще, и Краснодар в частности, были затронуты всеми этими явлениями в полной мере.

Девиация по сложившимся представлениям есть отступление от социальных норм [2]. Причину такого отступления Э. Дюркгейм видел в дезорганизации общества, когда нормы и ценности ослабевают или начинают противоречить друг

другу. Т. Парсонс считал основной причиной, приводящей к девиациям, разрыв между культурными целями общества и социально допустимыми путями его достижения. Под девиантным поведением в статье подразумеваются те формы поведения, которые воспринимаются обществом отрицательно, видятся нарушением некоей нормы.

Одно из таких нарушений – употребление алкоголя на производстве представляло собой опасность и для самих трудящихся, и для производства в целом. Пьяные рабочие получали травмы, портили оборудование, устраивали пожары. Пьянство росло как из-за бытовой неустроенности, так и попустительского отношения к нему власти, а также из-за традиционно мягкого отношения к алкоголю в русской культуре. Власти города пытались бороться против массового алкоголизма, например, горсоветом Краснодара в конце 1930 года было запрещено продавать водку в распределителях предприятий [3], но это указание сопровождалось требованием не допустить снижения объема ее продаж. Другие формы социальных девиаций на производстве, как то: абсентизм, мелкое воровство, небрежность в выполнении обязанностей, аварии, произошедшие по вине работников предприятий и т. п. были чрезвычайно распространены. Многие из них укоренились еще с дореволюционных времен [4].

Так, на краснодарском стеклозаводе 16% рабочих за первые десять дней января 1931 года не вышли на работу. На мельнице № 25 за этот же промежуток времени произошло два самовозгорания с одним и тем же виновником [5]. В начале 1930 года в Краснодаре произошло крушение железнодорожного состава на ветке завода «Кубаноль», при котором погибло несколько человек. Отдельные работники Южзавода в этот же период неверной эксплуатацией доводили машины до взрывов котла, портили отдельные агрегаты [6].

Органы власти в городе возлагали большие надежды на привитие рабочим новых

социалистических ценностей: бескорыстия, радости от труда, лояльности новому строю и т.п., применяя для этого разные способы. Важным фактором, который мог бы помочь преодолеть девиации, считалось общественное воздействие на нарушителей норм. Формы такого воздействия были чрезвычайно разнообразны: товарищеские суды, пресса, месячники, ударные декады, курсы и соцсоревнования [7].

Особенностью СССР был тот факт, что к числу девиаций там относили и некоторые своеобразные явления. Так, девиацией в глазах органов власти было «рвачество», то есть желание рабочего получить максимальную выгоду в любых обстоятельствах. Часто «рвачество» носило не индивидуальный, а групповой характер. Для квалифицированных рабочих, вплоть до современности, характерно создание хорошо организованных и иерархических неформальных объединений с целью собственного обогащения и получения различных дополнительных выгод.

Бывало, что заводские коллективы представляли собой замкнутые группы, жестко навязывающие свои ценности новичкам. Э. Мейо в так называемых Хотторнских экспериментах, проводившихся примерно в это же время, выделил ряд внутренних трудовых норм в американских рабочих коллективах. Одной из важных их особенностей было требование не общаться со своими официально, скомкано. Другой особенностью была круговая порука и сокрытие от начальства информации, могущей повредить членам группы. Не котировался в глазах коллег и излишний трудовой энтузиазм [8]. Подобные правила существовали и у русских дореволюционных рабочих [9].

Другой специфической проблемой были «летуны», то есть сотрудники предприятий, часто меняющие место работы. В годы НЭП проблема текучести кадров в промышленности стояла не так остро, по причине относительно малого масштаба промышленного производства и наличия официальной безработицы. Однако после развертывания индустриализации, безработица была официально ликвидирована, а масштабы развёртывания предприятий стали колоссальными. Например, в тракторных мастерских Краснодара в 1926 году работало 12 человек, а в 1930 году их число достигло 220 [10]. Такой масштаб преобразований вызвал острую нехватку рабочей силы, особенно квалифицированных пролетариев.

Сложившаяся в экономике ситуация привела к формированию практики постоянной смены места работы в поисках лучшего снабжения, более высокой зарплаты, лучшего социального обеспечения и т. п. Часто рабочие устраивались на работу, получали аванс, а затем устраивали прогул в 5-6 дней, чтобы быть уволенными по закону, не неся за свой поступок никакой ответственности. Средством борьбы против летунов считалось контрактование, то есть практика, когда рабочий

подписывал контракт, в условиях которого прописывалась работа на заводе в течение длительного периода времени. Администрация заводов посвящала много времени и усилий массовому контрактанию своего персонала.

Еще одной формой девиантного поведения рабочих считался национальный шовинизм в различных формах. Так, рабочий краснодарского завода Князев публично обвинял своего коллегу немца Либенштейна не только в пьянстве и распутном поведении, но и в антисемитизме, делая на это упор. Либенштейн в ответ заявлял, что Князев совратил его жену в обмен на восстановление ее в вузе [11].

Девиацией у пролетариев нового общества считалось неправильное происхождение или связь с иностранными государствами. Так, например, в одном из сообщений по поводу ситуации на строительстве МЖК, во всех неудачах обвинялся сын купца и немецкий гражданин В. Родриан, якобы ведущий контрреволюционную деятельность [12].

Руководство предприятий активно старалось создать положительные стимулы труда для рабочих, чтобы лишить девиации почвы. Например, фонды отпускались на премирование изобретателей и рационализаторов из пролетарской среды. Некто Лифанов изобрел медеплавильную печь и получил 150 руб. Кузнец Семидодский изменил конструкцию кузнечного горна и тоже был поощрен [13]. Нужно отметить, что по тогдашним меркам это были неплохие деньги, так квалифицированный краснодарский рабочий в месяц получал 125 руб.

Часто давление общества постепенно формировало настоящих девиантов из числа тех, кто совершил относительно мелкие проступки. Например, обвиненный в неблагонадежности и отстраненный от работы вышеупомянутый В. Родриан начал распространять антисоветские слухи, что привело к включению его в ряды «контрреволюционных элементов, некий Скрипкин – бывший член меньшевистской партии, после того как этот факт вскрылся, начал вести контрреволюционную деятельность [14].

В целом период 1930-х годов был весьма тяжелым для большинства населения Советского Союза. Ломка традиционной экономической модели (сохранявшей свои позиции во времена НЭП), так называемый «прыжок в социализм», окончательное оформление тоталитарной системы, широкомасштабная индустриализация и коллективизация, кампании чисток и репрессий создали широкую почву для сохранения старых социальных девиаций – пьянства, абсентеизма, небрежного выполнения своих обязанностей. Кроме этого, власть старалась объявить отклонениями и ряд не вписывающихся в модель новой индустрии явлений: рвачество, национальный шовинизм, частую смену работы для пролетариев, работу на заводах в рядах пролетариата лиц с непролетарским

происхождением. Успех этой практики был неполным, однако он порождал как стигматизацию многих девиантов, так и постепенное изменение самих социальных норм, ведущее к формированию новой политико-экономической и социальной реальности, по меткому выражению С. Коткина «сталинизма как цивилизации» [15].

Литература и источники

1. Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М., 2001. С. 5–15.
2. Громов И. А., Мацкевич И. А., Семёнов В. А. Западная социология. СПб., 2003. С. 532.
3. ЦДНИКК. Ф. 1072. Оп. 1. Д. 31. Л. 96.
4. Лебина Н. Б. Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. 1920–1930 годы. М., 1999. С. 121.

5. ЦДНИКК. Ф. 1072. Оп. 1. Д. 42. Л. 25.
6. Там же. Л. 110.
7. Там же. Л. 67.
8. Jones, Stephen R. G. «Was there a Hawthorne effect?» // *The American Journal of Sociology*, Vol. 98, No. 3 (Nov., 1992), pp. 451–468.
9. Миронов Б. Н. «Послал Бог работу, да отнял черт охоту»: трудовая этика российских рабочих в пореформенное время // *Социальная история. Ежегодник. 1998–1999*. М. 1999. С. 246–286.
10. Ф. 1072. Оп. 1. Д. 42. Л. 25.
11. Ф. 1073. Оп. 1. Д. 31. Л. 77.
12. Там же. Л. 90.
13. Там же. Л. 52.
14. Там же. Л. 90.
15. Kotkin S. *Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization*. NY 1997. p 355–367.

S. S. PEROV. SOCIAL DEVIATIONS IN THE DAILY ROUTINE OF WORKERS IN KRASNODAR (1930)

The article discusses the retreat from social norms in the conditions of the new Soviet society forming in Krasnodar in 30ies. Both pre-revolutionary social deviations, and those which were perceived as such in the Soviet period are investigated, as well as authorities' attitude towards them on materials of CDNHKK documents.

Key words: daily routine, working class, Stalinism, industry, deviation.

И. Ю. ГРИШИН

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ТВОРЧЕСТВА КАК КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО КОНЦЕПТА СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Статья посвящена анализу основных подходов к исследованию творчества как культурологического концепта советской культуры.

Ключевые слова: творчество, советская культура, концепт, культурология.

Являясь элементом советской культуры, «творчество» как ее культурологический концепт, влияло на формирование этого феномена.

Отечественные ученые Н. С. Злобин, В. М. Межуев, М. Б. Туровский и другие изучали творчество с разных позиций, в т.ч. и с культурологической точки зрения. Интерес к этому феномену привел к необходимости создания новой области знания – онтологии творчества (В. А. Конев, Л. В. Сурков, В. А. Яковлев и др.).

Изучая «творчество» как культурологический концепт советской культуры, следует обратиться к работам современных исследователей этого феномена, т.к. интерес к нему все еще актуален. Так, профессор О. В. Ромах рассматривает творчество как вершину главной движущей силы – деятельности, в процессе которой создаются новые ценности, имеющие конкретный культурный статус. Это – проблема, которая волнует многих людей. Имеющиеся исследования пока не раскрыли тайну этого феномена и, возможно, не раскроют никогда. Сложившиеся стили, виды, способы формируются постоянно и их будет столько, сколько будет

их создателей. Ведь каждый человек имеет свою методику, свои особенности создания продукта творчества, хотя уже сложились определенные направления, изучающие сущность творчества [1].

Именно творческий уровень влияет на качество создания произведения искусства. Творчество проявляется в интерпретации и импровизации сочинения, отражая специфику культурной деятельности.

Профессор О. В. Ромах считает, что целесообразно считать продукты творчества, созданные в любом направлении науки, одинаково значимыми и предлагает рассматривать их приоритетность в той степени, в какой он и воздействуют на личность, ставя ее в ситуацию творчества, вырабатывая в ней новые способности, навыки, умения, знания [2].

Анализируя возрастающий интерес к исследованию феномена «творчество», следует сделать вывод, что он связан с общим развитием гуманитарных наук, накоплением теоретического потенциала и расширением их методологического инструментария. Если классические дисциплины,